

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Близнец И.А., Федотова К.Е. Развитие охраны авторского права и смежных прав: роль ЮНЕСКО.....	193
Ариевич Е.А. «Серые зоны» на стыке институтов авторского права, промышленных образцов и товарных знаков.....	204
Маммадрзали Ш.С. Тесные взаимоотношения между авторскими и информационными правами в сфере цифровых технологий: движение в сторону нового правового дуализма	213
Серго А.Г. Урегулирование доменных споров: полезный опыт ВОИС для России	234
Бузова Н.В. Проблемы судебной защиты авторских и смежных прав и подсудности дел о нарушении прав в Интернете.....	251
Резолюция научно-практической конференции с международным участием «Авторско-правовые проблемы в сфере промышленной собственности» (Москва, 14 апреля 2021 г.)	266
НАУЧНЫЕ ХРОНИКИ	271
ABSTRACTS	304

ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

ДЕЙНЕКО Алексей Геннадьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам, кандидат юридических наук, государственный советник Российской Федерации 2 класса (109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3; тел.: +7495-772-9590 # 23017; email: alexey-deyneko@mail.ru)

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЙ КОММЕНТАРИЙ К ПОПРАВКАМ В КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются вступившие в силу в 2020 году поправки к ст. 71 Конституции Российской Федерации, в той части, в которой они затрагивают информационные правоотношения. Особое внимание уделяется введению в текст Основного Закона новых информационно-правовых терминов, таких как «информационные технологии» и «цифровые данные». Исследуются возможные пути имплементации этих поправок в российское информационное законодательство, а также их концептуальное влияние на развитие российского информационного права.

Наряду с общенаучными методами познания (анализ и синтез), использовались специальные методы познания (метод юридического толкования и метод нормативного поиска), проблемно-ориентированный подход и методы познания из других областей научного знания (в частности, филологии и информатики).

Констатировано сохраняющееся противоречие между текстом Основного Закона и рамочным законом об информации, следствием чего является необходимость корректировки тезауруса последнего. Отмечена принципиальная важность конституционной новеллы об обеспечении безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных. Данная новелла становится отправной точкой для реализации в российском законодательстве концепции цифрового суверенитета личности, дальнейшего укрепления гарантий соблюдения конституционных прав и свобод личности в киберпространстве.

Намеченные в статье пути развития информационного законодательства требуют обстоятельной научной дискуссии с привлечением специалистов в сфере информационных технологий и информационной безопасности. Предложенные изменения в информационном законодательстве в дальнейшем могут послужить основой для разработки кодифицированного акта в сфере информационного законодательства.

Ключевые слова: *информационное право, поправки к Конституции, Интернет, киберпространство, информация, информационные отношения, информационные технологии, цифровые данные, цифровой суверенитет, права человека, цифровизация, тайна частной жизни, Информационный кодекс, Умные города.*

3 июля 2020 г. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации утвердила результаты общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации (далее — Конституция РФ)¹, а Президент Российской Федерации издал Указ «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесёнными в неё поправка-

¹ Постановление ЦИК России от 3 июля 2020 г. № 256–1888–7 «О результатах общероссийского голосования по вопросам одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» // «Российская газета», 4 июля 2020 г., № 144.

ми»², завершив тем самым процесс вступления в силу поправок к Конституции РФ, предусмотренный Законом РФ о поправке к Конституции РФ³.

Вступление в силу конституционных поправок стало сигналом для отечественного законодателя к подготовке комплекса (по некоторым оценкам — до сотни)⁴ законопроектов, направленных на имплементацию поправок в российское законодательство. Несмотря на то, что Конституция РФ является документом прямого действия, поправки объективно не могут вместить в себя весь объем нормативного материала, необходимого для их практической реализации. В этой связи планируемые законодательные новеллы в ближайшее время станут объектом пристального изучения отечественных правоведов.

Прежде всего, следует отметить, что весь массив поправок к ст.ст. 71, 72 Конституции РФ не изменил базовой модели распределения полномочий между федеральным центром и субъектами, что говорит о положительной оценке данной модели законодателем. Перечни предметов исключительного ведения Российской Федерации и предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации были дополнены и уточнены Законом РФ о поправке к Конституции РФ.

С точки зрения информационного законодательства наибольший интерес вызывают новые редакции пп. «и», «м» ст. 71 Конституции РФ, устанавливающей предметы федерального ведения в системе разделения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектов.

² Указ Президента РФ от 3 июля 2020 г. № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесёнными в неё поправками» // «Собрание законодательства РФ», 6 июля 2020 г., № 27, ст. 4196.

³ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // «Собрание законодательства РФ», 16 марта 2020 г., № 11, ст. 1416.

⁴ «Интерфакс», 3 июля 2020 г. // URL: <https://www.interfax.ru/russia/715828>
Дата обращения: 1 июля 2021 г.

Для удобства дальнейшего анализа приведём указанные поправки полностью. Новая редакция пункта «и» выглядит следующим образом: «федеральные энергетические системы, ядерная энергетика, расщепляющиеся материалы; федеральные транспорт, пути сообщения, информация, *информационные технологии и связь*; космическая деятельность» (*здесь и далее — курсив автора, отмечены изменения*).

Новая редакция пункта «м» выглядит так: «оборона и безопасность; оборонное производство; определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества; производство ядовитых веществ, наркотических средств и порядок их использования; *обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных*;».

Применительно к п. «и» довольно трудно однозначно обосновать необходимость ее дополнения термином «информационные технологии», учитывая то обстоятельство, что при внесении в нижнюю палату Парламента законопроекта № 885214–7, ставшим впоследствии Законом РФ о поправках к Конституции РФ, изменений в ст. 71 Конституции РФ вносить не предполагалось, соответственно, данный вопрос не нашёл своего отражения в пояснительной записке⁵. Однако можно заметить, что новая редакция п. «и» ст. 71 сохранила и в некотором роде усугубила существующую правовую лакуну. Синтаксически прилагательное «федеральные» относится ко всей цепочке терминов, от транспорта до связи. И если применительно к транспорту законодательство предусматривает разделение транспортных систем на федеральные и региональные, то в отношении информации это сделать практически невозможно. Информация, согласно гражданскому законодательству Российской

⁵ «Система обеспечения законодательной деятельности» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> Дата обращения: 1 июля 2021 г.

Федерации, не является объектом гражданских прав (что само по себе неоспорно) а, следовательно, не может принадлежать в частно-правовом смысле ни Российской Федерации, ни ее субъектам. Законодательство субъектов Российской Федерации вообще не содержит дефиниции термина «региональная информация».

То же самое можно утверждать и об информационных технологиях, которые определяются в п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶ (далее — Закон об информации), как *процессы, методы* поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и *способы* осуществления таких процессов и методов.

Из трех приведенных в Законе об информации примеров информационных технологий только способ может выступать объектом гражданских прав при условии соответствия условиям патентоспособности изобретения (ст. 1350 Гражданского кодекса РФ, далее — ГК РФ)⁷. В отношении математических методов, а также методов игр, интеллектуальной или хозяйственной деятельности ст. 1350 ГК РФ содержит указание, что они не могут являться изобретениями, а ст. 1259 ГК РФ говорит о том, что они не могут являться произведениями. Таким образом, сами по себе методы и процессы, на которых основаны информационные технологии, не являются охраняемыми объектами. Гражданско-правовую охрану в соответствии со ст. 1261 ГК РФ могут получить лишь программы для ЭВМ, в которых реализована та или иная информационная технология. Обладателем исключи-

⁶ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 3 апреля 2020 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Собрание законодательства РФ», 31 июля 2006 г., № 31 (ч. 1), ст. 3448.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г., с изм. от 24 июля 2020 г.) // «Собрание законодательства РФ», 25 декабря 2006 г., № 52 (ч. 1), ст. 5496.

тельных прав на программу для ЭВМ может быть как Российская Федерация (в лице уполномоченного органа власти), так и ее субъекты, муниципальные образования, физические и юридические лица, однако данное понятие не тождественно информационным технологиям.

Таким образом, рассматриваемая конституционная новелла в отсутствие каких-либо поясняющих изменений в Законе об информации не выглядит идеальной с точки зрения доктрины информационного права. Конституция РФ относит федеральную информацию и информационные технологии к исключительным полномочиям Российской Федерации, однако Закон об информации не разъясняет, как отличить их от иных видов информации и информационных технологий, а ч. 2 ст. 12 Закона об информации единым образом указывает на полномочия государственных органов и органов местного самоуправления в сфере применения информационных технологий.

Вторая рассматриваемая конституционная новелла представляется перспективной в плане развития информационного законодательства. В первую очередь, следует отметить, что в перечне субъектов, чью безопасность должно обеспечивать государство, на первых местах указаны личность и общество. Это в полной мере согласуется с фундаментальным положением ст. 2 Конституции РФ, устанавливающим права и свободы человека в качестве высшей ценности.

Принятое законодателем юридико-техническое решение можно признать удачным, поскольку при условии неизменяемости 1, 2 и 9 глав Конституции РФ новые «цифровые» права человека можно закрепить в главах 3–8 только путем возложения на государство новых обязанностей по их соблюдению. К недостаткам новой редакции п. «м» ст. 71 следует отнести использование термина «цифровые данные», который пока не нашел легального определения в российском законодательстве.

Такое понятие встречается лишь в подзаконных актах ЦИК России, регламентирующих порядок обращения с цифровыми данными участников избирательного процесса при функционировании ГАС «Выборы». По нашему мнению, такая трактовка понятия цифровых данных будет слишком узкой, в связи с чем необходимо в ближайшее время дополнить понятийный аппарат Закона об информации соответствующим определением.

Более радикальный вариант поправок к Конституции РФ, заслуживающий, по нашему мнению, внимания специалистов в области информационного права, был предложен членом президентской Рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ Н. И. Касперской. При участии специалистов И. С. Ашманова, А. В. Глушенкова и В. Б. Наумова был подготовлен проект главы 2¹ Конституции РФ «Права граждан в цифровой среде», закрепляющей основные права и свободы граждан в цифровой среде, однако данная инициатива была отклонена Рабочей группой.

Отечественные правоведы неоднократно поднимали вопрос о необходимости закрепления в Конституции РФ основных прав и свобод граждан, связанных с их деятельностью в киберпространстве. Одними из первых это сделали профессора Высшей школы экономики М. А. Краснов и М. А. Федотов. В 2000 году они разработали предложения по реформе Конституции РФ, включающие в себя право каждого на свободный доступ к сети Интернет, возможность реализации институтов народовластия посредством сети Интернет, гарантию единства информационного пространства (по аналогии с единством экономического пространства), распространение тайны переписки на информационно-телекоммуникационные сети, запрет органам государственной власти и местного самоуправления на произвольный сбор информации о гражданах в информационно-телекоммуникационных сетях

и другие важные инициативы⁸. В 2016 году д.ю.н., проф. М. А. Федотов отметил, что часть из предложенных инициатив могла бы быть реализована посредством внесения поправок в Закон об информации, однако этот закон оказался мало приспособлен к роли структурирующего нормативного акта в системе отечественного информационного права⁹. Представляется, что указанные инициативы не потеряли актуальности и сегодня и вполне могли бы дополнить проектируемую главу 2¹ Конституции РФ.

Для того чтобы понять, в каком направлении может продолжить свое развитие информационное законодательство после вступления в силу поправок к Конституции РФ, необходимо проанализировать круг угроз, с которыми сталкиваются граждане, общество и государство при применении информационных технологий и обороте цифровых данных. Серьезной угрозой является массовый и зачастую бесконтрольный сбор информации о частной жизни граждан, находящейся в киберпространстве. В эпоху «Больших данных» (*Big Data*), когда собранная и обработанная информация становится самостоятельной экономической ценностью, основным бенефициаром становится уже не государство, а хозяйствующие субъекты (кредитные организации, рекламодатели и рекламораспространители, IT-компании и др.).

Тем самым, отмечаемая правоведами коллизия частных и публичных интересов (когда речь идет об ограничении прав граждан в пользу безопасности государства)¹⁰ трансформируется в коллизию частных интересов

⁸ Краснов М. А., Федотов М. А. и др. Конституционное обустройство России: общественная экспертиза. М.: Грааль. 2000. // URL: <https://indem.ru/Congress/index.htm> Дата обращения: 1 июля 2021 г.

⁹ Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex Russica. 2016. № 3 (112). С. 178. DOI: 10/17803/1729-5920/2016/112/164-182

¹⁰ Талапина Э. В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: рос-

крупных компаний и граждан. Слабой стороной в такой коллизии, очевидно, является «маленький человек», и в этой связи новую редакцию п. «м» ст. 71 Конституции РФ можно расценивать, как заступничество государства.

Рассматриваемая поправка фактически легализует концепцию «цифрового суверенитета» гражданина, означающую, что его конституционное право на неприкосновенность частной жизни признается и защищается в киберпространстве. Кандидат юридических наук, доцент ГАУГН А. А. Антопольский, анализируя практику Европейского суда по правам человека в части влияния Интернета на соблюдение прав человека, отмечает, что ЕСПЧ отказался от попыток сформулировать исчерпывающее определение права на уважение частной жизни и в своих решениях исходит из его широкой трактовки, понимая под ним запрет на любое неправомерное вмешательство в частную и семейную жизнь¹¹. Следовательно, в определении границ цифрового суверенитета личности отечественному законодателю также целесообразно исходить из его расширительного понимания.

Второй серьезный риск, напрямую вытекающий из проблемы бесконтрольного сбора данных о частной жизни лица — риск составления «цифровых профилей» граждан и их последующего использования в коммерческих или охранительных целях. В первом случае рекламораспространитель в киберпространстве видит перед собой не просто обезличенного пользователя, а некую «цифровую личность», обладающую определенным полом, возрастом, привычками и хобби, чтобы на основании совокупности этих сведений предложить ему ту рекла-

сийское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 5. С. 136.

¹¹ Антопольский А. А. Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 2. С. 164. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-2-antopolsky.

му, которая с большей вероятностью его заинтересует.

Нечто подобное мы наблюдали и в доцифровую эпоху в сфере печатных СМИ, когда рекламодатели могли без труда определить, где их реклама будет более востребована — в журнале для домохозяек или для автолюбителей. В этом отношении «рекламное» профилирование пока не выглядит серьезной угрозой для конституционных прав личности — при условии сохранения за гражданами права на анонимный интернет-серфинг. Последнее право традиционно рассматривается отечественными и зарубежными исследователями и как новое право личности в киберпространстве и как важное свойство самого киберпространства¹².

Иначе выглядит использование «цифровых профилей» в охранительных целях. Такое «социальное профилирование» граждан может привести не просто к системным нарушениям прав человека, но и к появлению новой разновидности тоталитарных государств, описанных ранее в романах-антиутопиях. Известна действующая в некоторых провинциях Китая система «умного города», которая составляет социальные рейтинги граждан, и при невысоких показателях (например, если гражданин часто переходит улицу в неположенном месте) может ограничивать их в передвижении по стране, запрещать им селиться в престижных отелях и т.п. Исследователи отмечают, что данная система вкупе с развитой интернет-цензурой преследуют цель контроля за поведением граждан вместо развития механизмов гражданского участия, «насаждение порядка» вместо развития институтов демократии¹³.

В 2019 году Минстроем России был утвержден стан-

¹² Дейнеко А. Г. Анонимность, как органическое свойство киберпространства // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2019. № 3. С. 50–65.

¹³ Yang, Dali L. *Remaking the Chinese Leviathan: market transition and the politics of governance in China*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2006. С. 311.

дарт «Умный город», предусматривающий высокую степень цифровизации процессов управления городским хозяйством, активное вовлечение граждан в эти процессы, и среди прочего, создание автоматических систем фиксации нарушений правопорядка и поиска преступников¹⁴. Исследователи отмечают, что государству только предстоит найти тонкую грань между обеспечением безопасности в городах будущего и соблюдением тайны частной жизни их жителей¹⁵. Следует также отметить, что развитие т.н. «интернета вещей», когда доступ к сети получают не только компьютерные устройства, но и различные датчики, бытовая техника и автомобили, значительно увеличивает круг источников сбора данных о частной жизни граждан икратно повышает риски их утечки¹⁶.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, рассуждая о праве будущего в эпоху цифровизации, верно отмечает: «для того, чтобы установить диктатуру в 2020 г., недостаточно, да и не нужно, вводить войска <...> для новой диктатуры необходим контроль цифровой личности индивида»¹⁷. Новая редакция п. «м» ст. 71 Конституции РФ закрепляет обязанность государства не допускать появления такой диктатуры ни в своем лице, ни в лице коммерческих компаний. В этой связи предложение разработчиков упомянутой главы 2¹ Конституции РФ об установлении

¹⁴ Базовые и дополнительные требования к умным городам (стандарт «Умный город»), утв. Минстроем России 4 марта 2019 г. // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵ Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 57.

¹⁶ См. напр., Архипов В. В., Наумов В. Б. Сквозные правовые проблемы Интернета вещей и пределы права: российская перспектива // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Том 13. № 6. С. 94–123.

¹⁷ Зорькин В. Д. *Providentia, или о праве будущего в эпоху цифровизации* // Государство и право. 2020. № 6. С. 15. DOI: 10.31857/S013207690009932-7.

конституционного запрета на любое ограничение прав граждан или их дискриминацию на основании цифровых профилей, «цифрового следа» и любых иных данных в цифровой форме, по нашему мнению, заслуживает поддержки.

В несколько отдаленной перспективе можно увидеть третью группу рисков, связанных с развитием технологий искусственного интеллекта. Перспективы применения искусственного интеллекта в судопроизводстве широко обсуждаются в юридической науке¹⁸, а в 2019 году на VI Московском юридическом форуме с докладом на эту тему выступил председатель Совета Судей Российской Федерации В. В. Момотов. Руководитель органа судейского сообщества отметил, что, несмотря на стремительные темпы развития технологий, говорить о замене судьи алгоритмом искусственного интеллекта пока преждевременно¹⁹.

В этой связи представляется, что сначала мы станем свидетелями попыток передать «в ведение» искусственного интеллекта полномочия по принятию управленческих решений, а уже потом — по разрешению судебных споров. Так, типовые процедуры назначения социальных пособий и предоставления льгот по заявлениям граждан вполне могут быть переведены на язык математической

¹⁸ См. напр., Амианц К. А., Чемеринский К. В. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11–3 (38). С. 49–52; Будылин С. Л. Убийца-дворецкий? Теория свидетельств для юристов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 7. С. 66–129 и др. Едва ли не впервые тезисы о возможности использования искусственного интеллекта в качестве помощника судьи прозвучали в выступлении М. А. Федотова на Четвертой Всесоюзной школе молодых ученых-юристов «Государство, право, социальный прогресс» (Морозова Л. А., Полубинская С. В. Четвертая Всесоюзная школа молодых ученых-юристов «Государство, право, социальный прогресс» (г. Нарва, 1985 г., Эстонская ССР) // Советское государство и право. 1986. № 1. С. 139–144).

¹⁹ «Адвокатская газета», 5 апреля 2019 г. // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/viktor-momotov-govorit-o-zamene-sudi-iskusstvennym-intellektom-kak-minimum-prezhdevremenno/> Дата обращения: 1 июля 2021 г.

логики и разрешаться без участия человека, снизив тем самым факторы коррупции и нагрузку на бюджеты.

В этой связи важно законодательно закрепить, как минимум, две новые гарантии прав человека: гарантию возможности пересмотра уполномоченным должностным лицом (человеком) решения, принятого алгоритмом искусственного интеллекта, и гарантию недискриминации граждан, которые по каким-либо причинам не хотят вступать в правоотношения с таким алгоритмом. Последняя гарантия в более литературном изложении М. А. Федотова звучит как «право человека на общение с человеком»²⁰. Следует обратить внимание и на слова В. Д. Зорькина о том, что в рассуждении о моделях правового регулирования, модернизации и реформирования правовых институтов отправной точкой должно быть достоинство человека²¹. Доктор юридических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова С. А. Авакьян ставит перед законодателем схожую задачу: обеспечить служебные достижения цифрового мира гражданам²².

Таким образом, приведенный круг угроз для конституционных прав личности в киберпространстве свидетельствует о необходимости дальнейшего развития информационного законодательства. Среди краткосрочных направлений такого развития стоит отметить необходимость разделения понятий «информация» и «информационные технологии» на федеральные, региональные и иные виды, а также закрепления легального определения термина «цифровые данные». Что же касается более далёких перспектив, то предложенные в настоящей статье дополнительные гарантии прав человека в киберпространстве после обстоятельного экспертного и обще-

²⁰ «РБК», 20 октября 2019 г. // URL: <https://rbc.ru/politics/20/10/2019/5dac57da9a794760a8df20b7> Дата обращения: 1 июля 2021 г.

²¹ Зорькин В. Д.: Указ. Соч. С. 26.

²² Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 26.

ственного обсуждения должны сформировать комплекс норм федерального законодательства, направленных на признание, соблюдение и защиту конституционных прав граждан в информационных правоотношениях. При таком сценарии развития эти нормы смогут стать основой для кодифицированного нормативного акта в сфере информационного права, о необходимости разработки которого специалисты в сфере информационного права говорят уже много лет²³.

Библиографический список

1. *Авакьян С. А.* Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.
2. *Амиянц К. А., Чемеринский К. В.* Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11–3 (38). С. 49–52.
3. *Антопольский А. А.* Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 2. С. 159–185. DOI: 10.35427/2073–4522–2019–14–2–antopolsky.
4. *Архипов В. В., Наумов В. Б.* Сквозные правовые проблемы Интернета вещей и пределы права: российская перспектива // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Том 13. № 6. С. 94–123.
5. *Будылин С. Л.* Убийца-дворецкий? Теория свидетельств для юристов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 7. С. 66–129.
6. *Дейнеко А. Г.* Анонимность, как органическое свойство киберпространства // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2019. № 3. С. 50–65.
7. *Зорькин В. Д.* Providentia, или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19. DOI: 10.31857/S01320769000932–7.
8. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / Под ред. Бачило И. Л. — М.: ИГП РАН — Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. — 192 с.
9. *Краснов М. А., Федотов М. А. и др.* Конституционное обустройство России: общественная экспертиза. М.: Грааль. 2000.
10. *Морозова Л. А., Полубинская С. В.* Четвертая Всесоюзная школа молодых ученых-юристов «Государство, право, социальный прогресс» (Нарва, 1985 г. Эстонская ССР) // Советское государство и право. 1986. № 1. С. 139–144.
11. *Савельев А. И.* Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху “Больших данных” (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.
12. *Талапина Э. В.* Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 5. С. 117–150.
13. *Федотов М. А.* Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex Russica. 2016. № 3 (112). С. 164–182. DOI: 10/17803/1729–5920/2016/112/164–182.
14. *Yang, Dali L.* Remaking the Chinese Leviathan: market transition and the politics of governance in China. Stanford, CA: Stanford University Press, 2006. — 429 с.

²³ Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / Под ред. Бачило И. Л. — М.: ИГП РАН — Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. — 192 с.